

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-63-73

© В. М. ДИМИТРИЕВ

«МЕДИЦИНА, НАУКА И ЖИЗНЬ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЕКТЕ В. С. ЯНОВСКОГО*

Творчество эмигрантского писателя В. С. Яновского (1906–1989) представляет интересный пример взаимодействия медицинского и литературного дискурсов в истории интеллектуальной мысли XX века. Врачебная практика, которую Яновский вел начиная с 1930-х годов, влияла на становление его литературного метода, при этом темы и сюжетные коллизии его романов и повестей, связанные с медицинской проблематикой, объясняются не только биографией писателя-врача, но и историко-литературными особенностями, характерными для межвоенных десятилетий в Париже. В то же время анализ своей врачебной практики становится в американский период жизни отправной точкой для философского проекта Яновского по созданию теории, в которой сосуществуют и дополняют друг друга естественно-научные и гуманитарные идеи. В статье речь пойдет о взаимовлиянии литературы и медицины в его текстах, притом отдельное внимание будет уделено англоязычной книге писателя «Медицина, наука и жизнь» (1978), в которой обе его профессии стали предметом философской рефлексии. В некотором роде антропологическая критика, которой Яновский подвергает медицинское знание в соотношении с другими формами знаний в этой книге, может быть рассмотрена в контексте междисциплинарной области «literature and medicine».¹

Яновский, хоть и известен прежде всего своими мемуарами о парижской эмиграции «Поля Елисейские. Книга памяти» (1983), пишет и публикует прозу и эссеистику с 1920-х годов.² Во многих его текстах повествователем или фокальным персонажем оказывается врач — в «Рассказе медика» (1933), «Розовых детях» (1936) или романе «Портативное бессмертие» (писался с конца 1930-х годов, отд. изд. 1953). В центре сюжета может быть переживание болезни (рассказ «Болезнь», 1956), повествовательной рамкой может стать медицинский отчет (парижская повесть «Любовь вторая», 1935), а прием у врача — нарративной мотивировкой, как в повести «Челюсть эмигранта» (1957). Осмыслению врачебного опыта посвящены нехудожественные тексты Яновского: документальные зарисовки о работе в отделении венерических заболеваний в книге «Dark Fields of Venus. From a Doctor's Logbook» («Темные поля Венеры. Из записной книжки врача», 1973) и рефлексия

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ О предпосылках появления и основных направлениях исследования в этом поле см.: Неклюдова Е. «Воскрешение Аполлона». Literature and medicine — генезис, история, методология // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: Сб. статей / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М., 2006. С. 16–27.

² Яновский-прозаик, не мемуарист, остается малочитаемым и малоисследованным автором, несмотря на возросший в последние два десятилетия интерес к так называемому незаемченному поколению русской эмиграции. Из текстов, непосредственно ему посвященных, стоит отметить обширное эссе о философском подтексте прозы Яновского: Линник Ю. Философские искания в прозе В. Яновского // Новый журнал. 1994. № 194. С. 205–231; предисловие к двухтомнику Яновского: Мельников Н. «Русский мальчик с седыми висками». Жизнь и творчество Василия Яновского // Яновский В. С. Соч.: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 5–27; главу, посвященную Яновскому, в книге: Livak L. How It Was Done in Paris. Madison, 2003. P. 142–153; а также статьи М. Рубинс, в том числе предисловие 2014 года к избранной прозе писателя: Рубинс М. О. Странный писатель русского зарубежья // Яновский В. Любовь вторая: Избр. проза. М., 2014. С. 5–48.

о медицине в контексте современной жизни, науки и искусства в книге «Medicine, Science and Life» («Медицина, наука и жизнь»).

Обилие врачебных сюжетов и автобиографических героев-врачей в его прозе и эссеистике объяснимо жизненными обстоятельствами. После эмиграции из России во второй половине 1920-х годов Яновский поступает на медицинский факультет в Сорбонну и совмещает учебу с занятиями литературой. В 1937 году он защищает докторскую диссертацию по теме «Вклад в изучение ценности продуктов питания с точки зрения их энергетического потенциала». ³ В 1930-е годы подрабатывает врачом в бедных кварталах Парижа. В Америке, куда он переехал в 1942 году, Яновский осваивает профессию анестезиолога и до конца жизни занимается медициной наряду с литературой.

Однако активное использование в художественном творчестве внелитературного профессионального опыта было характерным культурным фактом эмигрантского Парижа и объясняется особенностями развития европейской литературы в 1920–1930-е годы. Оно связано прежде всего с повышением значения автобиографического и автофикционального начала в литературе русского зарубежья, а в случае Яновского также и с повествовательными и стилевыми возможностями, которые открывает профессия врача.

В эмигрантской литературе, и в частности на «русском Монпарнасе», как нередко обобщенно называют круг русских поэтов и прозаиков, начавших писать уже в эмигрантском Париже, стремление к по-новому воспринятой документальности составляло центр поэтики. Под документальностью понимались вполне конкретные особенности письма, вроде повествования от первого лица, разрушения границы между документом и фикцией, включения в тексты дневников, писем, реальных воспоминаний. Исследовательница документальной и автофикциональной прозы русского зарубежья М. Рубинс так описывает генеалогию этой литературной моды: «...человеческий документ в том виде, в каком он актуализировался в эмигрантской прозе 1930-х годов, сформировался под влиянием самых разнообразных факторов как эстетического, так и историко-социального характера: франко-русской традиции физиологического и натуралистического письма, экзистенциального кризиса послевоенных десятилетий, риторики „потерянного поколения“, раннесоветской „литературы факта“, Дада, сюрреализма, осознания эмигрантами собственной маргинальности». ⁴ Факты реальной жизни эмигрантов, иногда вместе с их настоящими именами, входят в повествование в качестве своего рода нарративных вариаций на тему биографии. ⁵ Именно потому нет ничего удивительного, что во многих текстах Яновского протагонистом оказывается именно врач, русский эмигрант, в том числе в его самом значительном сочинении парижского периода, романе «Портативное бессмертие».

В то же время врач в качестве протагониста в 1920–1930-е годы делал возможным появление новых в эволюционном смысле повествовательных и стилистических особенностей текста. Медицинская практика писателя и его героев служила мотивировкой для приемов, характерных для жанра «человеческого документа», получившего в межвоенные десятилетия новую жизнь,

³ Рубинс М. О. Странный писатель русского зарубежья. С. 10. См. илл. 13 в этом же издании, где приведена обложка диссертации Яновского.

⁴ Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / Пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М., 2017. С. 34.

⁵ Обзор автодокументальных и автофикциональных тенденций эмигрантской прозы межвоенных десятилетий см.: Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki, 2012. С. 131–176 (Slavica Helsingiensia; 42); Рубинс М. Русский Монпарнас. С. 28–64.

не в последнюю очередь в контексте автодокументальной поэтики. Как показывает Н. Яковлева, уже в XIX веке новоиспеченный жанр «человеческого документа» был связан с тем, что литературе как бы прививали цели медицины, а писатель сравнивался с врачом, исследующим болезни современного общества при помощи документального описания окружающего мира или исповедального рассказа: «...в семантике понятия большое значение приобретали психофизиологические и естественнонаучные коннотации. Сравнение писателя с „собирателем человеческих документов“ стояло в общем ряду с образами „аналитиков“, „физиологов“ и „психиатров“». ⁶ Возвращение к натурализму и новому варианту «человеческого документа» в 1930-е годы в немалой степени ассоциировалось с творчеством писателя-врача Л.-Ф. Селина, чей антилитературный пафос, физиологичность описаний и цинизм соответствовали литературной моде. ⁷ Яновского в эти годы часто сравнивали с Селином, понятным нередко в очень своеобразном, едва ли не религиозном ключе. ⁸

Натуралистические описания, совмещение физиологических подробностей и мистических видений, разговорный синтаксис, иронический и пародийный модусы в речи протагониста, разрушение гуманистических нарративов при помощи демонстрации болезненной неприукрашенной стороны жизни, а также подчеркнутая пессимистичность и цинизм идеологической позиции рассказчика — все эти черты и вправду роднили русского и французского писателей. Впрочем, если мода на новый натурализм объединяла Селина и Яновского, были между ними и существенные различия: к числу значимых относится «тот факт, что для Селина распад был самоценен и составлял отбросить все надежды. В то время как Яновский намеревался осуществить религиозную программу, увиденную в „Путешествии на край ночи“ теми читателями, для которых распад был необходимым условием духовного спасения». ⁹

Цинизм повествователя и натуралистичность описания, связанные с врачебной практикой и литературными трендами межвоенного Парижа, совмещены для Яновского с идеей внезапного и немотивированного мистического озарения. Так, к примеру, в повести «Любовь вторая» главная героиня, доведенная отчаянием эмигрантской жизни до самоубийства, неожиданно и сюжетно не мотивированно обретает веру в Бога, «вторую любовь», перед прыжком с вершины Собора Парижской Богоматери. Подобный дуализм телесного и духовного прямолинейно выражен в коротком «Рассказе медика»: детализированная сцена вскрытия трупа в парижском госпитале перемежается лирическими интермеццо, описаниями скульптурного изображения Христа и цитатами из Евангелия, находившимися на фасаде часовни, которая располагалась напротив госпиталя. Роман «Портативное бессмертие»

⁶ Яковлева Н. «Человеческий документ». С. 30. Впрочем, подобная трактовка роли писателя в русской традиции идет еще от (анти)эстетики «натуральной школы» 1840-х годов.

⁷ О роли Селина в становлении эмигрантской эстетики см.: *Livak L. How It Was Done in Paris*. P. 135–142; *Красавченко Т. Н.* Л.-Ф. Селин и русские писатели-младоземляки первой волны (В. Набоков, Г. Газданов, В. Яновский и др.) // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920–1940. М., 2007. С. 180–200; *Рубинс М.* Русский Монпарнас. С. 35–39.

⁸ «Впрочем, через много лет в интервью Юлии Троль Яновский отрицал влияние на свое творчество Селина, отмечая лишь общность восприятия: „Меня потом Бердяев несколько обвинял в том, что я подражаю Селину <...> Но мы оба были <...> докторами парижской школы, и очень многое, что он видел, я видел, и гуманитарные реакции к нищете, боли, нужде у нас могли быть те же. Я не думаю, что я был под влиянием Селина <...>“» (*Рубинс М.* Странный писатель русского зарубежья. С. 7).

⁹ *Livak L. How It Was Done in Paris*. P. 146.

совмещает две сюжетные линии: рассказ о врачебной практике в нищих кварталах Парижа и повествование о мистическом братстве, одержимом идеей при помощи механического изобретения преобразовывать души людей.

Подобное совмещение натурализма с мистикой и религией имело для Яновского принципиальное значение и было связано в том числе с участием в деятельности религиозно-философского и литературного общества «Круг», организованного в 1935 году И. И. Фондаминским-Бунаковым. «...„Круг“ стал местом встречи двух эмигрантских поколений и в какой-то степени помог преодолеть отчуждение „эмигрантских сыновей“ — литераторов-монпарнасцев, увлеченных учением гностиков и склонных „толковать христианство в духе восточного дуализма, отрицающего мир и историю“ — от „отцов“, среди которых тон задавали близкие „Новому граду“ Г. П. Федотов, К. В. Мочульский, мать Мария, Н. А. Бердяев и другие мыслители, исповедующие идеалы социально-активного, творческого христианства».¹⁰

Стремление совместить художественные, научные и религиозные интересы характеризует Яновского-писателя на протяжении всей жизни. Уже в Америке он активный участник экуменического движения «Третий час», организованного Еленой Извольской и близкого идеям «Нового града» и «Круга».¹¹ Яновского следует потому читать не только в контексте схожей литературы 1930-х годов, но также и в контексте некоторых философских и мистических идей, на которых он сам, как и его окружение, воспитывался. Внимательный читатель Н. Федорова, А. Бергсона и впоследствии П. Тейяра де Шардена, Яновский предполагал в будущем возможность согласования научных достижений и метафизических исканий и призывал к «этическому» осмыслению современного технического прогресса.¹² Подобное этическое преобразование должно коснуться также и медицины, поскольку нынешнюю врачебную практику до сих пор сопровождают устаревшие метафизические модели. Желание согласовать медицину и эстетику, а также литературное творчество с новейшими научными открытиями и определяет пафос художественных текстов и эссеистики Яновского американского периода.

В документальной книге «Темные поля Венеры. Из записной книжки врача», написанной по-английски, Яновский дает целую россыпь врачебных случаев из своей работы консультантом в отделении венерических заболеваний, куда он временно устраивается в 1970 году после того, как больница, где он работал анестезиологом, из-за легализации аборт в Нью-Йорке стала для него этически неприемлемым местом — и как для верующего человека, и как для врача, активно выступающего против произвольного хирургического вмешательства. Записи «Темных полей Венеры» прошли, вероятно, минимальную редактуру. Перед нами 327 коротких рассказов, каждый из которых посвящен визиту к врачу в связи с подозрением на венерические заболевания. Повествователь фиксирует беседы с пациентами, зачастую снабжая свои рассказы едкими критическими и в то же время моралистическими замечаниями как в адрес судебного и медицинского устройства Америки, так и в адрес его пациентов, не стесняясь нарушать врачебные границы.¹³ В постскриптуме

¹⁰ Мельников Н. «Русский мальчик с седьмыми висками». С. 13.

¹¹ См.: Яновский В. Елена и ее «Третий час» / Пер. с англ. М. Рубинс // Яновский В. Любовь вторая. С. 446–452.

¹² Ср. пересказ Яновским идей Н. Федорова: Яновский В. Общее дело // Там же. С. 455–458.

¹³ Книга вызвала, согласно дневниковой записи Яновского, благосклонный отзыв У. Х. Одена: «Это очень грустная и очень хорошая книга. У нее будет успех, но, разумеется, по ложной причине» (Яновский В. У. Х. Оден / Пер. с англ. М. Рубинс // Там же. С. 438). Книга не получила широкой известности.

Яновский подытоживает «мораль» своего медицинского коллажа, приведя назидательный «пример из жизни». Он бросил курить, обнаружив, что пытается поджечь сигарету в углу рта, когда у него в противоположном углу рта уже была зажженная сигарета, таким образом поняв, что «в реальности он искал что-то еще, для чего табак был только субститутотом, который, очевидно, не удовлетворял» его. Яновский предлагает аналогию: «У меня такое же впечатление теперь от всех этих одиноких людей, пар и треугольников, молодых и старых, гетеро- и гомосексуалов, этих жен, мужей, любовников и любовниц: им всем что-то нужно, и секс только субститут, который, очевидно, не удовлетворяет их. Дело учителя, философа и врача — донести это до каждого ученика, ближнего и пациента, оказавшихся на их пути. Каждый раз, как я наполнял шприц, я чувствовал: пенициллина недостаточно!»¹⁴ Яновский в этом пассаже развивает идею о перераспределении энергии любовного влечения, которую он заимствует у Федорова, с другой стороны, он продолжает излюбленное противопоставление телесного и духовного: детализированное описание жизни тела, как и в ранних рассказах и романах, ставит для него вопрос не об эмансипации тела, а скорее о желании через эту физиологичность или вопреки ей достичь духовной экзальтации.¹⁵

Размышлениям о медицине и ее отношениях с другими сферами социальной жизни целиком посвящена англоязычная книга Яновского «Медицина, наука и жизнь», которая, как и «Темные поля Венеры», ранее не рассматривалась в исследовательской литературе о писателе. В книге пять частей, связанных друг с другом иерархически; перечислим их в порядке очередности: «Анестезия» («Anesthesia»), «Хирургия» («Surgery»), «Медицина и здоровье» («Medicine and the Sense of Well-Being»), «Новая наука» («The New Science»), «Новая реальность» («The New Reality»). Книга сопровождается предисловием и заключением автора. Композиция подразумевает восхождение Яновского ко все более абстрактным идеям и ко все более высокому уровню идейной интеграции.

Фрагменты из этой книги публиковались до выхода отдельного издания. Отрывок из «Анестезии» был напечатан по просьбе У. Х. Одена в сборнике 1970 года «A Certain World. A Commonplace Book».¹⁶ Фрагмент из третьей части «Медицина и здоровье» появляется в 1973 году на русском языке под заглавием «Самосохранение или самоуничтожение».¹⁷

Замысел книги, вероятно, возникает 5 сентября 1957 года, когда Яновский заносит в дневник: «Хочется вдруг писать, а отвык и как будто не о чем... 1. Свои Воспоминания, 2. Теория искусства (Толстого, Джойса, Бергсона, Пруста и свое), 3. О докторах (составить кусочек для печати)».¹⁸ Все три

¹⁴ Yanovsky B., M. D. The Dark Fields of Venus. From a Doctor's Logbook. New York, 1973. P. 241. Здесь и далее перевод с английского наш. — В. Д.

¹⁵ См., как, к примеру, Рубинс определяет влияние Федорова на один из главных послевоенных романов Яновского «По ту стороны времени»: Рубинс М. «Сделать бывшее небывшим»: (Анти)утопические романы Василия Яновского // Яновский В. С. Портативное бессмертие: Романы. М., 2012. С. 23–32.

¹⁶ Yanovsky B. Anesthesia // Auden W. H. A Certain World: A Commonplace Book. New York, 1970. P. 18–21. На тот момент еще не вышедшая в свет книга, из которой Яновский заимствует фрагмент об анестезии, носила название «Философия науки», как следует из дневниковых записей писателя, включенных в воспоминания об Одене. Яновский приносил другу свою неопубликованную англоязычную книгу. См.: Яновский В. У. Х. Оден. С. 433–434, 436; Рубинс М. Комментарии // Яновский В. Любовь вторая. С. 585.

¹⁷ Яновский В. С. Самосохранение или самоуничтожение // Вестник русского студенческого христианского движения. 1973. № 107. С. 113–115. К заглавию отрывка поставлена сноска: «Из книги „Философия обратимости“».

¹⁸ Яновский В. С. Из дневника 1955–1959 гг. / Публ. и прим. В. Крейда // Новый журнал. 1997. № 209. С. 175. Хотя В. Крейд так комментирует третью запись: «Рукопись о докторах

замысла были впоследствии реализованы: мемуары об эмиграции «Поля Елисейские. Книга памяти», эссе «Пути искусства» (1960) и книга «о докторах», называемая то «Философия науки», то «Философия обратимости», то уже в печатном варианте «Медицина, наука и жизнь». 20 августа 1958 года появляется также запись: «Почему мне не написать „Дневник анестетиста“: потому что в результате, вероятно, лишусь работы».¹⁹ В сентябре 1960 года Яновский подытоживает: «Написал „Философию анестезии“. Время не исчезнет в истории, но может преобразиться, принять иные формы, так что прошлое, и будущее, и настоящее должно видоизмениться в своих соотношениях».²⁰ 3 декабря 1962 года Яновский сообщает о продолжении работы: «Пишу „Philosophy of Medicine“», и 19 декабря: «Закончил в эти дни черновик „Философия «хирургии»“. Изабелла переводит главу (100 стр.) на английский».²¹

Фрагменты, о которых идет речь в дневнике, вероятно, соответствуют главам «Медицина и здоровье» и «Хирургия» в будущей книге. Дальнейшие дневниковые записи 1964 года, в свою очередь, подготавливают главы «Новая наука» и «Новая реальность», центральная тема которых — согласование научных открытий с нашими представлениями о границах и функциях собственного тела.

Эта главная тема теперь связывается Яновским с философией обратимости, ставшей для писателя узловым моментом эстетической и медицинской рефлексии. 6 ноября 1963 года он пишет: «Философия обратимости. Охватывает всю историю, науку, религию, искусство. Медицина есть попытка вернуть здоровье, молодость, силы... Анестезия вводит смертные яды и немедленно занимается обратимостью процесса...».²² Яновский начинает верить даже религиозные идеи научными теориями. 11 августа 1964 года: «Как Бог и один, и три (и не один, и не три)... Как электрон — частица и не частица, волна и не волна: и частица и волна, и не частица и не волна...».²³ 24 августа 1964 года: «„Complementary“ истины Бора и принцип неопределенности Гейзенберга относятся не только к атому, но и к человеку, и к Богу. О Боге мы можем знать только отдельные (комплиментарные) истины „в профиль“ (не одновременные или не одноместные)».²⁴ 8 сентября 1964 года: «Как нет отвлеченного атома или электрона с его движением и местонахождением, а есть только сплав между наблюдающим за атомом человеком и характеристикой этого атома, так нет вообще абстрактного Бога, а только некая смесь между обращающимся к Богу человеком и самим человеком, своими чувствами и органами влияющим на образ Бога».²⁵ 20 ноября 1964 года: «Предопределение (в смысле благодати) значит только, что благодать — вне причинно-следственной цепи земных категорий и что человек *свободно* ее получает или от-

в литературе, подготовленная по-английски, не была напечатана» (Там же. С. 203) — о существовании такой рукописи нам неизвестно.

¹⁹ Там же. С. 185.

²⁰ Яновский В. С. Из дневника 1960–1964 гг. / Публ. и прим. В. Крейда // Новый журнал. 1999. № 214. С. 136. Рассуждения о времени здесь неслучайны. Анестезия для Яновского доказывала возможность обратного течения времени: человек сперва специально дозированным отравлением доводится до почти растительного состояния, чтобы потом постепенно вернуться к привычному функционированию организма. Именно по этой причине книга в русской публикации 1973 года названа «Философия обратимости» (см. выше, прим. 17). Параллельно с рассуждениями об анестезии Яновский работает над романом «По ту сторону времени», где пытается воплотить свою сциентистскую и мистическую в одно и то же время утопию обратимого времени.

²¹ Там же. С. 142–143.

²² Там же. С. 147.

²³ Там же. С. 149.

²⁴ Там же. С. 151.

²⁵ Там же. С. 153.

казывается от нее *на уровне своих клеток* (т. е. только если все его существо этого желает, а не только подсознание)».²⁶

По этим записям можно видеть, что публикации книги предшествовал длительный период работы; притом два отрывка появились в печати до выхода финального текста, а отдельные части Яновский давал читать близким людям, таким как Оден. Сложно сказать, был ли у Яновского уже в 1960-е годы готов финальный текст, или же он вносил изменения вплоть до 1978 года. Для нас важно, что междисциплинарная теория, построение которой он затевает, занимает его на протяжении большей части жизни в Америке и воплощается и в его эссеистике, и в художественном творчестве.

«Медицина, наука и жизнь» примечательна еще и тем, что в ней Яновский совмещает методы исследователя и литератора: он активно включает в книгу опыт своей врачебной практики, вместе с тем саму эту практику описывает так, как если бы сочинял роман.²⁷ К примеру, в начале книги он в деталях изображает сценку в операционной: команда хирургов вырезает некой женщине опухоль; ее родные терпеливо дожидаются диагноза, чтобы узнать, доброкачественная она или злокачественная. Фигура врача у постели больного вырастает до масштабов рока. «Едва ли найдется в жизни ситуация, по значимости сравнимая с появлением врача у постели больного. В великом переломном моменте болезни и смерти фигура врача присутствует всегда, отражая наши надежды и страхи. В такие решающие моменты он кажется стоящим над жизнью сверхчеловеком, имеющим большее значение, чем герои и тираны в классической трагедии. Таким его видит больной, таким хочет его видеть» (р. 2–3). Притом Яновский подчеркивает на протяжении книги, что роли врача и пациента в том виде, в котором они существуют в известной ему системе, — следствие социального пакта, принятого в современной медицине.

Изучить философские основания такого рода пакта — одна из задач писателя. Следующий шаг — предложить новую, согласованную с актуальными достижениями науки философию медицины. Яновский утверждает: «...чтобы ответить на вопрос: „Что такое медицина, какой может быть роль врача в нашей жизни (и какой она быть *не* может?)“ — нам необходимо прежде со всей серьезностью определить, кем *мы* в действительности являемся и кем *мы* должны быть» (р. 3). Врач в этой перспективе должен быть не только врачом телом, но и современным философом и ученым, стремящимся построить целостное представление о здоровье и с этой целостной точки зрения подходящим к лечению пациента. Большая часть книги основана на личном опыте Яновского, в частности на его опыте работы анестезиологом в американских больницах. Статистические выкладки и конкретные врачебные наблюдения, как и в его прозе, здесь чередуются с философскими обобщениями и мистическими идеями.

Попробуем кратко реконструировать композицию книги.

Первая часть посвящена анестезии. Для Яновского эта область медицины — средоточие всех ее современных достижений и требует учета всех сфер врачебного знания, раз уж предполагает умение почти умертвить человека,

²⁶ Там же. С. 154.

²⁷ В книге можно найти большое количество любопытных метафор для описания различных аспектов медицинской работы. Ср.: «Стресс от введения в анестезию в некоторых случаях настолько велик, что его можно сравнить с вождением тяжелого грузовика в плохую погоду» (*Yanovsky V. Medicine, Science and Life. New York, 1978. P. 15*; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера страницы); «Операция во многом похожа на боксерский поединок; чем больше раундов, тем более истощены претенденты» (р. 17).

а затем вернуть его в прежнее состояние: «Природа анестезии состоит в том, чтобы биологически раздеть пациента донага и провести его через различные предшествующие стадии эволюции. <...> Больной, как бы проходя путь вспять через филогенетические стадии — от человека обратно к позвоночному и амебе, — может проявлять себя в примитивных формах, последовательно напоминая антропоида, грызуна, рыбу, моллюска, растительность» (р. 11). Анестезия доказывает, по Яновскому, возможность обратимости времени и предполагает вызов инстинкту самосохранения, поскольку для проведения операции необходимо ослабить защитные механизмы организма. Время для пациента в состоянии анестезии и для врачей в операционной становится относительной величиной, как в специальной теории относительности Эйнштейна (р. 21). Резистентность организма зависит от множества сложно уловимых факторов, где боль и страдание не всегда будут бессмысленны. Отчасти именно анестезиологу предстоит внимательно изучить историю пациента и понять, насколько для этого конкретного пациента в этот конкретный момент времени вообще возможна и продуктивна анестезия для проведения какой-либо операции. Но анестезиолог в драме Яновского — одинокая фигура, к которой не прислушиваются и которая отодвинута на задний план главным героем — хирургом, чьи решения только и могут быть приняты в расчет.

Вторая часть книги называется «Хирургия». «Герой наших сегодняшних сказок, кино, телевидения, газетных репортажей, школ и, конечно же, больниц — хирург. Он сверхчеловек среди врачей, бог, обладающий силой восстановления и спасения» — с язвительной иронией пишет Яновский (р. 27). Хирург — антагонист в драме Яновского. Именно он совершает множество бессмысленных операций, руководствуясь принципом «play it safe», в любой неясной ситуации он предлагает разрезать тело пациента, чтобы нейтрализовать опасность «на всякий случай». Яновский выступает против хирургического вмешательства как панацеи — а именно такой «хирургический» подход характеризует для него мир современной клиники: «Неужели миндалины совсем бесполезны, матка устаревает после родов, любой ли камень в желчном пузыре ни для чего не нужен — и решит ли холецистэктомия все проблемы?» (р. 29). Яновского интересует, почему человек XX века, не верящий в Бога и ни в чем в своей жизни не уверенный, спокойно доверяется операционному столу и мнению хирурга. Ему представляется, что научный статус медицины во многом создан искусственно, что так называемые медицинские факты есть лишь материал для интерпретации, сама же интерпретация будет в плену различных философских установок. И если анестезия — это обратимость, то хирургия может быть охарактеризована как необратимость (р. 46). Хирург не должен быть главным героем медицинской драмы, на его место должны встать эксперты со стороны, убежден Яновский, такие как ученые и философы.

Третья часть озаглавлена «Медицина и здоровье» и строится в целом вокруг вопроса о шаткой, подвижной границе между здоровьем и болезнью и вокруг различных способов философского осмысления этих базовых медицинских понятий. Яновский связывает представления о здоровье и благополучии пациента с властными отношениями в обществе: «Здоровье считается частью социальной структуры. Гражданин обязан защищать свое здоровье, в этом заинтересовано государство. От члена нашего общества ожидается, что он будет вести здоровый образ жизни и соблюдать закон, чтобы поддерживать принятый образ жизни и не мешать благополучию других» (р. 60). Такое прикладное понимание здоровья обусловлено тем, что в основу современной медицины положена детерминистская метафизика, дарвинизм и марксизм, принцип

«play it safe», годящийся для ведения бизнеса, но не для решения врачебных вопросов, в то время как «врач, заботящийся о самочувствии больного, должен снова стать философом, богословом, ученым, даже художником, занятым проблемами здоровья, гармонии, добра и свободы» (р. 65). Яновский именно в этой части книги восстает против требования, обращенного к человеку, защищаться и приспособливаться во что бы то ни стало. Самозащита не всегда необходима: в доказательство Яновский приводит случаи, когда пересаженные органы не приживались. С его точки зрения, человек способен управлять вегетативной нервной системой, и на молекулярном уровне каждая клетка организма обладает собственной спонтанной волей, которая делает невозможным позитивистское применение статистики во врачебных решениях.

Спонтанная воля человека ведет его к поиску обратимости, лучшему состоянию, утраченному в прошлом. Яновский приводит в пример «Детство» Л. Толстого и эпопею М. Пруста как литературное доказательство этого естественного устремления человека (р. 87). Больной помнит «здоровое» состояние своего организма и хочет вернуться «к юности, силе, счастью, утерянным горизонтам, утерянным друзьям, утерянным возможностям. Но вот приходит старомодный лжеученый и говорит пациенту: „Будь разумным. Будь зрелым. Термодинамические процессы необратимы. Будь сильным и убивай, пока можешь; когда ты ослабнешь, наиболее приспособленный сделает с тобой то же самое. Принимай эти таблетки два раза в день. Расслабься и подчинись законам науки!“ Больной проглатывает таблетку. Но стоит ли удивляться, что он не будет удовлетворен, даже если его боль утихнет?» (р. 86).

Яновский убежден, что бесплодные надежды больного в свете современных научных открытий становятся вполне осуществимы. Именно этому вопросу посвящена четвертая часть книги «Новая наука». Яновский пытается дать философское и медицинское толкование принципу неопределенности В. Гейзенберга и принципу дополненности Н. Бора — двум важнейшим основаниям квантовой механики: «В квантовой механике провозглашается необычная (даже абсурдная) двойственная реальность — двойственная по крайней мере в своих проекциях, реальность частицы и волны (а возможно, ни частицы и ни волны) — и принцип неопределенности, вернувший природе спонтанность и свободу воли, хотя бы на атомном уровне. Мы, таким образом, более не связаны диктатом причины и следствия, к которым наши ученые так долго были прикованы» (р. 149). Комплементарный характер истины, с точки зрения Яновского, сулит большие надежды для преодоления детерминизма и для обоснования иррациональных явлений в мире. Свободы может не быть у человека, но она есть у каждой его клетки, способной восстать против целого, и это поверяется, считает писатель, существованием спонтанных генетических мутаций.

В заключительной пятой части «Новая реальность» Яновский пытается обосновать свой поход против детерминизма уже в сфере повседневной жизни, религии и искусства. Достижения квантовой механики и генетики, как ему представляется, способны доказать, что каждую секунду любой живой организм на молекулярном уровне совершает выбор, причины и последствия которого могут быть не ясны с точки зрения классической физики: «Высший организм отторгает трансплантаты, отвергает инородные тела, пожирает микроорганизмы, поглощает вводимые вещества. Когда клетка перестает различать и пропускает все (или не пропускает ничего) через свою мембрану, мы понимаем, что она мертва. Эти выборы делаются не капризно, наобум, а соответствуют какому-то внутреннему идеалу (настоящему или будущему) этого организма. Случайный выбор в долгосрочной перспективе будет иметь

катастрофические последствия, а отсутствие выбора равносильно смерти» (р. 130). Именно поэтому любое врачебное решение должно приниматься, по мнению Яновского, на основании длительного и глубокого знакомства с больным и/или осведомленности в вопросах науки и философии.

Религию и искусство Яновский также ставит в зависимость от законов квантовой механики. Индетерминизм должен избавить современный роман от психологизма и причинно-следственной связи; именно в романе должны находить обоснование спонтанные и иррациональные поступки и события. Начало подобной «квантовой» прозе положил, по мнению писателя, Кафка, тексты которого необходимо интерпретировать с точки зрения нарушения логической последовательности событий: так, в «Процессе» наказание предшествует преступлению. Движение в сторону спонтанности и абсурда может происходить не на уровне органов и организмов, где царит борьба, а на клеточном, молекулярном уровне, где вопрос о здоровье и благополучии удасться поставить не только в пределах «фрагментарного и разъединенного мира» (р. 151).

Сциентистская и мистическая утопия Яновского, которую мы вкратце попытались пересказать, опуская многочисленные вводные рассказы, — любопытна в нескольких отношениях.

С одной стороны, Яновский пытается, вооружившись актуальными достижениями науки и медицины, а также своим врачебным опытом, продолжить идеи русской религиозной философии, линию В. Соловьева, Н. Федорова, Г. Федотова, совместив их с идеями позитивной метафизики А. Бергсона и П. Тейяра де Шардена. Он рассчитывает вернуть теологический пафос современной науке и даже пытается доказать, что как раз эта-то наука не только не противоречит религиозным истинам, но подтверждает их, и даже дает основания для самых смелых надежд человека на преодоление времени и смерти.

С другой стороны, анализ медицины в Америке с точки зрения системы властных отношений и способов «мягкого» принуждения человека к определенному социальному устройству неожиданно ставит замысел Яновского в ряд критических проектов 1960–1970-х годов, в рамках которых клиника рассматривалась как институционализируемая форма насилия и основанная на позитивизме дискурсивная практика. Наиболее известным автором, предпринявшим такой подход к медицине, является М. Фуко с книгой «Рождение клиники» (1963).

Наконец, стремление Яновского «научить» медицину этике и убежденность в необходимости приблизить профессию врача к деятельности учителя и философа — делают эмигрантского писателя пионером междисциплинарной области «*literature and medicine*», в рамках которой в том числе предполагалось составлять курсы чтения для студентов медицинских вузов, чтобы развивать чуткость к этическим проблемам, связанным с работой врача.²⁸ Специалисты в этой междисциплинарной области М. Маклеллен и Э. Джонс в 1996 году отмечали, что эволюция исследований в поле «*literature and medicine*» заключалась в «переходе от описательной работы к анализу, при этом ученых интересовало не столько то, как литература отражает медицину, сколько то, как ее можно использовать для анализа, критики и укрепления медицинской эпистемологии и практики».²⁹ Яновский выступает в своих текстах одновременно как медик и как писатель. Границы между разными обла-

²⁸ Неклюдова Е. «Воскрешение Аполлона». С. 16–17.

²⁹ McLellan M. Faith, Jones A. Hudson. Why Literature and Medicine? // The Lancet. 1996. 13 July. Vol. 348. P. 110.

стями знания, особенно в его эссеистике, рушатся, и на их место встает специфический вариант междисциплинарной или внедисциплинарной утопии, где любая деятельность человека может быть переведена на язык другой деятельности. Такая конвертируемость языков связана для самого Яновского с утопией духовного делания, вместе с тем он стремится оставаться в рамках научного дискурса.

Русский и американский писатель Яновский с 1930-х годов совмещает литературные занятия и медицинскую практику. С первых своих рассказов он включает в художественные тексты врачебные случаи, известные ему по обучению на медицинском факультете Сорбонны или по собственной практике. Значительное место, которое занимают медицинские темы и сюжеты в его прозе, с одной стороны, объясняется биографией писателя, а с другой — обусловлено литературной модой межвоенных десятилетий: повышением автобиографического начала и становлением нового варианта «человеческого документа». Занятия медициной оказались мотивировкой для того, чтобы следовать этой литературной моде, получившей к тому же большое распространение на русском Монпарнасе, к которому Яновский имел непосредственное отношение. Впрочем, натурализм был лишь одной из сторон, интересовавших писателя в медицинском дискурсе. Еще с 1930-х годов Яновский ищет духовный эквивалент предельной телесности своей прозы и доводит своих героев, даже вопреки повествовательной логике, до религиозной экзальтации. Его близость к религиозно-философским кругам русского зарубежья во Франции, а впоследствии и в Америке — и в послевоенное время определяла для Яновского главный ориентир его разнообразной прозы: поиск философского ключа к проблемам и медицины, и эстетики, и науки, и повседневной жизни. Это обусловило пафос итоговой нехудожественной книги американского периода «Медицина, наука и жизнь».

Случай Яновского позволяет уточнить механизмы взаимодействия медицинского и литературного дискурса во второй половине XX века. Его творчество представляет собой хороший пример такого взаимодействия не только потому, что писатель на протяжении всей жизни совмещал врачебную и литературную работу, но и потому, что сам стремился понять их в русле синкретической и всеобъемлющей философской теории.